

Научная статья
УДК 93/94:614.83+908
doi: 10.17223/15617793/476/7

Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске

Дмитрий Игоревич Петин¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия, dimario86@rambler.ru

Аннотация. На основе комплекса источников (преимущественно неопубликованных), выявленных в фондах Исторического архива Омской области, а также использования периодической печати и фотодокументов проанализированы причины, последствия и процесс расследования военными и гражданскими властями масштабного трагического происшествия – взрыва артиллерийских боеприпасов на грузовом дворе городской железнодорожной ветки. Аргументированно подчеркивается степень влияния на описываемые события конкретных личностей.

Ключевые слова: военная антропология, Гражданская война, железные дороги, военнопленные, Белая армия, взрыв, халатность, чрезвычайное происшествие, Омск

Для цитирования: Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65–75. doi: 10.17223/15617793/476/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/7

The explosion on 1 August 1918 in Omsk

Dmitriy I. Petin¹

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, dimario86@rambler.ru

Abstract. The aim of the work is to analyze the causes and consequences of a tragic incident – an explosion of ammunition in Omsk at the cargo yard of the city railway station on August 1, 1918. The incident is first studied in historiography. The following objectives are reached in the study. Firstly, the complex of sources that give an idea of the event were studied. Secondly, the factors and actions of specific individuals and forces that led to the tragedy and influenced the course of the investigation of its causes were identified. Thirdly, the research aspects were determined that emerged due to the anthropological study of the event regarding the situation of the Civil War. For the preparation of the work, mainly unpublished sources, stored in the Historical Archive of Omsk Oblast, were used. These are the protocols of interrogation of witnesses and materials of office work, which are part of the investigation file in the fund of the Omsk District Court, and the records of the victims of the explosion, made in the registers of the Orthodox churches of Omsk, available in the fund of the Omsk Spiritual Consistory. Memoirs, periodicals, and photographic documents were also used. The connection between the general historiography of the topic and the issue under study is described. The anthropological approach combined with the comparative historical and problematic chronological methods formed the theoretical basis of the work. Particular attention in the publication is paid to an attempt to a “politicized use” of the tragedy by representatives of the right-wing conservative public, who saw the cause of the incident, like all Russia’s failures, as a “German-Bolshevik trace”. In conclusion, the author states the inconsistency of the initial version of the investigation about the malicious intent of certain political forces. The inquest recognized the cause of the tragedy as criminal negligence, initiating the closure of the case. This was also facilitated by the changed political conjuncture of the anti-Bolshevik Omsk, which perceived the incident as a local one. In the case under consideration, the anthropological vision of the past orients us towards comprehending the circumstances of the military and political everyday life of the Civil War, the psychology of the tragedy’s contemporaries who lived in the militarized society, the influence of the phenomena of captivity and the human factor. The work is intended for a wide range of readers, including specialists who study military history, military anthropology, the Civil War in Russia and Siberian everyday life in this period.

Keywords: military anthropology, Civil War, railways, prisoners of war, White Army, explosion, negligence, emergency, Omsk

For citation: Petin, D.I. (2022) The explosion on 1 August 1918 in Omsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 65–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/7

События Гражданской войны в России уже на протяжении почти века являются «традиционной» проблематикой отечественной историографии. Колесания курса академической исторической науки в Советском Союзе, затем в Российской Федерации определялись сменами политической и общественной конъюнктуры. До конца 1980-х гг. очевидный приоритет отдавался советской власти. Затем до 2010-х гг. в центре внимания специалистов было антибольшевистское движение. Характерной чертой исследований в каждый из указанных периодов была идеологическая ангажированность, ошибочно приводившая к идеализации взгляда на изучаемую проблему и, как следствие, – к возникновению и тиражированию мифов (см.: [1–3]).

В настоящее время отчетливо наметилось стремление историков к взвешенным оценкам на основе учета максимального объема источников. Пресыщенность милитаризованными подходами и политизированными оценками заставила современных исследователей Гражданской войны искать проблематику вне темы братоубийственного противостояния [4. С. 124]. Таким аспектом была повседневность и бытование городов в условиях военно-революционного периода 1917–1920 гг. Тогда одним из ключевых административных и военно-политических центров страны стал Омск, носивший с июля 1918 г. по ноябрь 1919 г. официальный статус столицы антибольшевистской России [5], затем до лета 1921 г. являвшимся главным городом советской Сибири [6]. Именно этот хронологический отрезок, как для академических специалистов, так и для неравнодушной к прошлому обществу остается наиболее востребованным, что подтверждается работой омских тематических площадок публичной истории [7, 8].

В текущие 10 лет увидел свет ряд обзорных и обобщающих работ, посвященных повседневной жизни сибирских городов в 1914–1921 гг. и в частности Омска [9–13]. Но в этих трудах историки лишь фрагментарно затрагивали громкие чрезвычайные происшествия, повлекшие травматизм или гибель людей. Пожалуй, единственным исключением стал взрыв, произошедший 25 августа 1919 г. в караульном помещении близ личной резиденции Верховного правителя. Причины события, унесшего жизни 7 нижних чинов конвоя [14. Оп. 11. Д. 95. Л. 182 об.–183], получили спорные трактовки современников и историков: от халатного обращения с боеприпасами (официальная версия) до неудачной попытки физического устранения адмирала А.В. Колчака. Даже при наличии академических наработок данный прецедент повлек ряд дискуссий [15–17].

События Гражданской войны сделали Омск средоточием политической жизни востока России, что особо проявилось при антибольшевистских властях. Город до революции являлся центром Степного края, Сибирского казачьего войска, Омского военного округа, но в 1918–1919 гг. именно здесь в штабах и кабинетах государственных учреждений принимались исторические и судьбоносные решения, а в светских салонах плелись политические интриги (см., напри-

мер, [18. С. 391–395]). Но, несмотря на столь весомый административный статус, Омск по характеру повседневной жизни и ментальности жителей сохранял типичный провинциальный уклад. Поэтому взрыв на грузовом дворе городской железнодорожной станции 1 августа (19 июля, ст.) 1918 г. стал резонансным и исключительным событием.

Цель работы – анализ причин и последствий данного трагического происшествия, впервые изучаемого в историографии.

Основой для подготовки работы стали неопубликованные источники, входящие в состав следственного дела Омского окружного суда, – главным образом протоколы допросов свидетелей, материалы служебного делопроизводства [19] и актовые записи об умерших, сделанные в метрических книгах православных храмов Омска. Вспомогательную роль сыграли мемуары, пресса и фотодокументы.

В современной историографии «Русской смуты XX века» есть немало трудов, ориентированных на «личностное восприятие» прошлого и роль в нем человека [20. С. 136–139; 21. С. 246–248]. Интерпретации поведения, ментальности индивида (общности людей) в условиях армейского социума, боевой обстановки в научных работах способствует военная антропология – развивающееся междисциплинарное гуманитарное направление (см. об этом: [22–24]). Использование антропологического подхода в совокупности со сравнительно-историческим и проблемно-хронологическим методами как теоретического базиса в нашем исследовании позволило максимально полно представить и трактовать драматические события, виной и жертвой которых стал человек.

Трагедия случилась на грузовом дворе городской железнодорожной станции, расположенном в окраинной на тот момент части Омска (в 500 м южнее заканчивалась городская черта). Сюда со станции Омск приходили составы с различными грузами. Ближе к Иртышу располагалась пассажирская остановка. Соединяя вокзал и центр города, ветка функционировала в 1903–1949 гг., утратив значение с развитием в Омске речного и автомобильного транспорта. В 1953 г. на месте грузового двора возникла одна из исторических и ландшафтных достопримечательностей города – сквер им. 30-летия ВЛКСМ. К тому времени с ростом урбанистического пространства эта территория утратила окраинный характер [25].

В 1914–1917 гг. напротив грузовой станции городской ветки с восточной стороны возвели монументальное пятиэтажное здание Управления Омской железной дороги (ОмЖД). В нем с приходом антибольшевистских властей вместе с данной структурой разместили Министерство путей сообщения, а затем и Ставку Верховного главнокомандующего [26. С. 59, 61; 27. С. 67]. С 1961 г. здание занимает один из крупнейших вузов региона – Омский государственный университет путей сообщения. В начале XX в. с севера к грузовому двору городской ветки примыкал жилой квартал; с запада – водопроводная станция (ныне Омский водоканал), бани Мариупольского, вокзал станции Омск-город; с юга – Техническое учи-

лице (ныне развлекательный центр) и яхт-клуб (рис. 1).

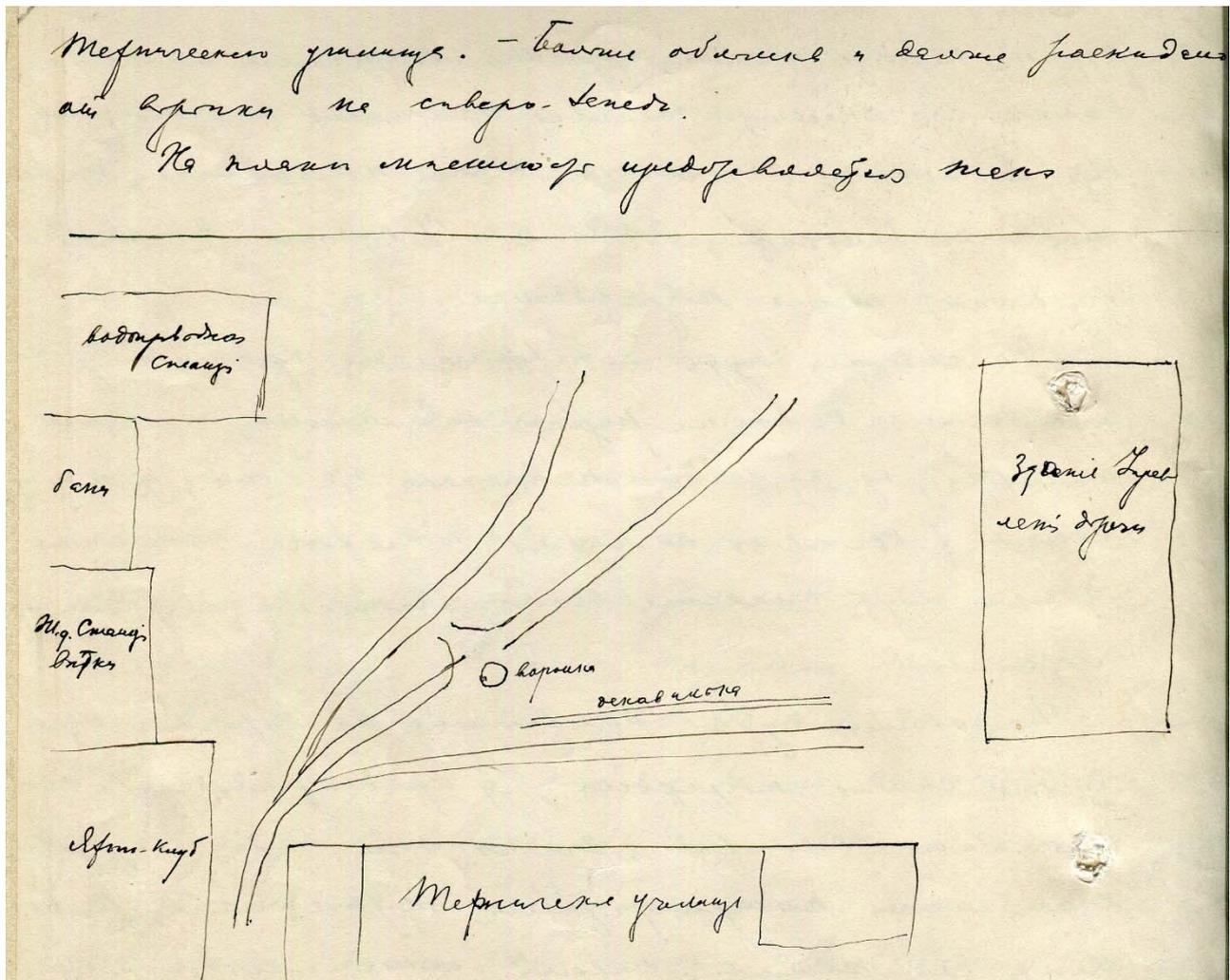


Рис. 1. Схема грузового двора омской городской железнодорожной ветки с обозначением места взрыва. Фрагмент протокола от 1 августа 1918 г. [19. Л. 3 об.]

Обратимся к историческому экскурсу событий 1 августа 1918 г. «[В] 13 часов [Петроградского времени] (15 ч. по Омску [24], по иным данным – в 14 ч 45/48/50 мин. [19. Л. 47–48 об., 52 об., 57]. – прим. Д.П.) 1 августа 1918 г. на верхних тупиках путей городской ветки при производстве чинами военного ведомства работ с артиллерийскими грузами по невыясненной причине произошел взрыв одного вагона шрапнельного пороха[,] число пострадавших по выяснению будет сообщено дополнительно[,] силой взрыва и начавшимся пожаром уничтожено и пострадало 7 классных вагонов и 33 крытых[,] из них 10 груженых[,] в здании Управления [Омской железной] дороги выбиты стекла[,] рамы и причинены незначительные повреждения внутренней отделке помещений[,] движение поездов городской ветки возобновлено в 17 часов [Петроградского времени]». Так описана трагедия в одном из первых сообщений – телеграмме начальника станции Омск [19. Л. 26].

В первые же минуты на место инцидента вместе с руководством станции прибыл ее комендант, полковник Лапузин, а вслед за ним – начальник отдела ми-

лиции ОмЖД полковник Алексей Петрович Зошенко (см.: [28]). Станцию оцепили воинским караулом, категорично никого не пуская [19. Л. 8–9, 57 об., 79]. Ситуация была крайне опасной. Через пару минут после прогремевшего мощного взрыва (как утверждали очевидцы, «компактного» и наиболее сильного по звуку) и охватившего вагоны пожара в большом задымлении стали раздаваться менее сильные взрывы с металлическим лязгом (длились около часа). Очевидцы из числа военных однозначно идентифицировали это как детонацию снарядов [19. Л. 46–46 об., 57 об., 60 об., 121 об.]. Близ места инцидента началась суматоха. Но, рискуя собой, сохранившие самообладание военные и персонал железнодорожной станции при минимуме технических средств (2 брандспойта) оперативно потушили возгорание [19. Л. 84–84 об., 95]. Мужество этих людей неопределимо: их действия предотвратили угрозу роста числа пострадавших.

Полковник Зошенко оперативно опросил свидетелей и составив протокол происшествия. Из документа следует, что на среднем запасном пути стояли прибывшие вагоны: один с порохом, предназначенным к

выгрузке и перевозке на омский артиллерийский склад, второй – с погруженными из автомобиля 500-ми 3-дюймовыми снарядами. Близ тупика стояло 3 вагона на отправку с упакованными в ящики шашками и тесаками. На крайнем пути близ здания Управления ОмЖД стояло 14 вагонов, из них 9 – с интендантским грузом (6 обгорело); в остальных жили чехословаки. Еще 7 вагонов с камнем располагались на соседнем пути (4 из них взрывом сброшены с рельс). От взрыва образовалась воронка глубиной 2,5 аршина (1,4 м) и диаметром 3 сажени (6,4 м), фрагменты грузовика разнесло на расстояние до 200 шагов. Вагон со снарядами отбросило с пути на 15–20 м. В районе взрыва были обнаружены останки не менее 10–12 человек. Раненых отправили в железнодорожную больницу. Опрос первых свидетелей из числа военнослужащих и станционных милиционеров показал, что грузовым автомобилем снаряды доставлялись для отправки с артиллерийского склада. Работы вели 9 военнопленных австрийцев под надзором 3 конвоиров. Тара с порохом, имея повреждения, в автомобиль грузилась ими небрежно [19. Л. 18–19].

Скрыть масштабы трагедии было невозможно. Сообщая гораздо меньше подробностей, чем указа-

но выше, первой о случившемся написала газета «Заря»; информационный материал стоял первым в разделе «Хроника» [29. 2 авг.]. Журналисты, по всей видимости, опирались в большей степени на то, что увидели сами (рис. 1, 2). Та же газета о трагическом событии писала днем позже: «Рельсы согнуты, как тростинки <...> Число убитых подсчитывать чрезвычайно трудно. Несомненно, несколько человек, находившиеся в непосредственной близости от места взрыва, разнесено просто на атомы, другие, находившиеся несколько подалее, искалечены до неузнаваемости. Оторваны и обезображены головы, руки, ноги, вырваны внутренности. Силою взрыва эти части человеческих тел разметаны на большое расстояние. Так, на крыше бани Мариупольского (саженей 80 от места взрыва, 170 м. – Д.П.) найдена голова одного из убитых» [29. 3 авг.]. Схожую информацию опубликовала томская газета «Железнодорожник», сообщая, что убитых «человек не более 7–8» [30]. Собранные останки сначала уложили на брезенте для осмотра у южной стены здания Управления ОмЖД, а затем доставили в городской анатомический покой [19. Л. 3].



Рис. 2. Вид грузового двора омской городской железнодорожной ветки после взрыва. [1–3] августа 1918 г. Омский государственный историко-краеведческий музей. Фонд фотографий и негативов. Ед. уч. ОМК–652/1

Важно отметить, что отсутствие в месте взрыва высотных преград, на открытой местности усилило дальность разлета поражающих элементов и распространения ударной волны. Наличие в непосредственной близости от места взрыва конструкций и предметов из металла и дерева, дополнительно увеличило без того огромный поражающий эффект.

Военные власти оперативно создали 2 комиссии; подготовленные ими экспертные материалы сыграли важную роль в установлении истинных обстоятельств трагедии. В 18 ч 45 мин 1 августа 1918 г. по приказу начальника штаба Степного Сибирского корпуса на

станцию Омск-город прибыли 4 офицера во главе с командиром 1-го Сводного артиллерийского дивизиона, подполковником Дмитрием Николаевичем Кирхманом. А 3 августа Управление Западно-Сибирского военного округа направило для осмотра на место инцидента 3 артиллеристов во главе с подполковником Валерием Михайловичем Кулябко. Обе комиссии, изучив местность и опросив очевидцев, заключили, что наиболее сильный первый взрыв произошел из-за возгорания просыпавшегося черного пороха и на автомобиле. Причинами могли стать халатность или случайность (искра от трения железных

предметов: деталей машины, подков на каблуках сапог). Версию детонации снарядов исключали [19. Л. 93–94].

В 16 ч 30 мин к месту инцидента прибыл вызванный полковником Зошенко следователь по особо важным делам Омского окружного суда Сергей Козлов, перенявший полномочия расследования. С первого дня взрыв рассматривался как спланированный злой умысел. Предварительное следствие начало, руководствуясь статьей 108 Уголовного уложения 1903 г., предполагая «государственную измену» и «пособничество неприятелю в действиях против России» [19. Л. 1]. Любопытна реакция на событие местной консервативной общественности. С присущей антибольшевистской патетикой трактовала инцидент кадетская газета «Сибирская речь», используя трагедию в идеолого-пропагандистских целях: «Взрыв 1 августа, разрушения, растерзанные в клочья люди, которых, быть может, придется считать десятками, и раненые, которых, вероятно, несколько сотен – бедствие тяжкое. От еще более тяжкого бедствия город был спасен милостью случая, разумом и отвагой людей, ограничивших распространение огня. Естественны поиски причины несчастья. Но ее не так-то легко обнаружить. Все, что находилось вблизи взорвавшихся вагонов, было растерзано. Свидетели, ближайšie очевидцы – измельчены в такие жалкие лохмотья мяса и раздробленных костей, которые подбирались в кучи, прикрытые брезентами. Сами вагоны взлетели на воздух и от них остались погнутые, исковерканные тележки платформ. Загорелся ли автомобиль или бросали неосторожно опасный груз или заранее заготовленный для взрыва прибор исполнил свою задачу, если нашелся своего рода герой шпионажа, который пожертвовал собой для исполнения ценного замысла, – кто теперь может сказать с надлежащей определенностью? <...> улики в области обнаружения виновников взрыва неизбежно неустойчивы и невняты. Мы ни на минуту не должны забывать, что враги России – немцы и их верные друзья интернационалисты-большевики – зорко следят за происходящим в Сибири и ценят уничтожение каждого вагона военного снабжения борющихся против них бойцов. Поэтому было бы слишком самонадеянно полагаться на возможную неосторожность, как причину взрыва» [31]. Стоит подчеркнуть, что на момент омского инцидента в Европе еще шла Первая мировая война, породившая в российском обществе активные суждения в духе шпиономании, германофобии и конспирологии [32; 33. С. 66]. Подобная консервативно-националистическая милитаристская риторика стала основой государственной пропаганды белой Сибири [34, 35].

Нельзя исключать, что следователь Козлов мог быть близок по воззрениям к правым силам, и это предопределило изначальную презумпцию расследования. Ведя дело около месяца, за период с 2 по 13 августа 1918 г. он опросил 7 свидетелей (офицеры, нижние чины, гражданские лица). Допзнание шло сложно, строилось на косвенных доводах: ведь погибли практически все, кто находился в непосредствен-

ной близости от места трагедии и мог дать наиболее точные показания. Выжившие очевидцы еще испытывали сильный стресс.

На первую половину августа 1918 г. пришлось общественный резонанс, вызванный этим событием, а также похороны жертв. Газета «Заря» сообщила о 18 тяжело раненных, 66 легко раненных, 2 умерших от ран. В заметке подчеркивалось, что установить точное число убитых невозможно. Многочисленные фрагменты тел сложили в 4 гроба [29. 9 авг.]. Но по протоколам, составленным следователем Козловым, в них были 4 неопознанных погибших с тяжелыми ранениями, несовместимыми с жизнью. Останки, находившиеся в городском анатомическом покое, 6 августа захоронили на Шепелевском кладбище [19. Л. 16–17, 30 об.]. Сделать это скорее требовалось и из-за погодных условий летнего сезона. Подчеркнем, что число погибших могло быть гораздо больше, если бы не самоотверженность людей, быстро потушивших пожар, и если бы инцидент произошел не на относительно немногочисленной окраине города, которой стало место трагедии.

Согласимся, что по причине высокой разрушительной силы взрыва назвать точное число жертв действительно вряд ли возможно. Но из анализа метрических книг православных храмов Омска (в аналогичных источниках других конфессий сведений о погибших от взрыва не имеется) [14. Оп. 6. Д. 1382. Л. 621 об. – 622; Оп. 11. Д. 124. Л. 218 об.–219; Д. 125. Л. 530 об. – 531] и следственных протоколов и переписки [19. Л. 10–15, 22, 27–30, 54 об., 77 об. – 78, 99, 109, 139 об., 142 об.] следует, что число тех, кому трагедия стоила жизни как минимум 26 человек. Имена 21 убитого и умершего от ран установлены; 5 тел не были идентифицированы. Прах покойных предали земле на Казачьем и Шепелевском кладбищах. Захоронения не сохранились по причине сноса некрополей в советский период [36. С. 37, 93].

С.И. Голошубин (летом 1918 г. 8-летний гимназист) вспоминал: «Стоя на берегу [Иртыша], услышали взрыв и в стороне управления дороги увидели клубы дыма. Взрывы повторились несколько раз подряд, как оказалось на городской товарной станции были взорваны вагоны со снарядами. На следующий день мы с отцом ходили на место взрыва. Все последствия уже были ликвидированы и ничего не говорило о происшедшем» [37. С. 243]. Официальных комментариев (в том числе о диверсии) власти не давали, молчаливо «соглашаясь» с выводом общественности о несчастном случае. Кроме публикаций в омских газетах «Заря» и «Сибирская речь», никакой реакции прессы не последовало. Нельзя исключать и запрета на дальнейшее освещение трагедии. Анализируемый инцидент пришелся на апогей карьеры военного министра, генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, который категорически пресекал обсуждения в прессе негативных моментов, связанных с Сибирской армией [38, 39]. Кроме того, в июле 1918 г. глава МВД Временного Сибирского правительства В.М. Крутовский подписал циркуляр о более тщательном наблюдении органов власти за прессой [40. С. 185].

К концу августа процессуальные действия прекратились, возобновившись лишь 10 ноября 1918 г., когда дело принял следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николай Алексеевич Соколов [19. Л. 34]. Это был известный юрист, расследовавший позднее убийство семьи Романовых [41]. Условия его деятельности были усложнены. Он начал, оперируя лишь наработками предшественника, не имея возможности увидеть место трагедии, где в считанные дни для нормального функционирования транспорта вынужденно навели порядок (рис. 3). Соколов, ища очевидцев, в ноябре-декабре 1918 г., вел

активную переписку с военными и гражданскими органами. Но время было упущено: со дня события прошло 3 месяца. Часть искомых лиц покинули Омск по службе или личным мотивам, получить сведения о месте их жительства и деятельности на тот момент не представлялось возможным. Но Николай Алексеевич смог найти и опросить 27 новых прямых и косвенных свидетелей: кто видел взрыв или место трагедии в первые часы. По сравнению со своим предшественником, он приобрел к делу большее количество медицинских заключений.



Рис. 3. Вид на грузовой двор омской городской железнодорожной ветки. Начало 1930-х гг. Из открытых интернет-источников

Показания малограмотных солдат, рабочих, обывателей в общем смысле малоинформативные. Большинство этих людей, получив легкие ранения и контузии или не пострадав вообще, указывали, что в состоянии аффекта после первого же взрыва бежали прочь от места происшествия. Наиболее ценные подробности сообщили офицеры и железнодорожные чиновники – лица, психологически более устойчивые, обладавшие образовательным высоким цензом, в том числе технической подготовкой. Они смогли достаточно четко и обоснованно оценить ситуацию, апеллируя к своим знаниям и служебному опыту. Показания ряда свидетелей с разной степенью подробности повторялись или подтверждали сведения, данные иными лицами в августе 1918 г. Но их сопоставление помогло установить важные детали.

Взорвавшиеся снаряды поступили незадолго до трагедии из Самары на Омский артиллерийский склад. Боеприпасы предполагали вечером 1 августа отправить в Челябинск для нужд Уральского корпуса [19. Л. 95; 29. 3 авг.]. Отпуском снарядов с места хра-

нения руководил начальник артиллерийского склада капитан Георгий Михайлович Путинцев. Шрапнельный порох английского производства, прибывший в Омск, получили от начальника гарнизона Бийска; груз сопровождал некий командированный в Омск поручик (погиб при взрыве). Для перевозки пороха с грузового двора городской ветки на артиллерийский склад и доставки обратными рейсами снарядов гараж ОмЖД выделил грузовик и шофера Николая Петровича Евстигнеева (погиб при взрыве) [19. Л. 142–142 об.]. У свидетелей-офицеров техническое состояние транспортного средства вызвало вопросы: автомобиль сильно буксовал, из трещин в остове машины и через глушитель летели искры [19. Л. 87, 126 об., 127 об.]. Машина для удобства погрузки подъезжала прямо к открытой двери вагона. К моменту взрыва снаряды находились в вагоне, а на борт грузовика переместили около 485 единиц тары с порохом [19. Л. 83 об., 93, 122 об. – 123].

Погрузочными работами занимались 9 бывших военнослужащих Австро-Венгерской армии (погибли

при взрыве) под надзором юнкера Иванова и двух конвойных – младшего унтер-офицера Сергея Степановича Саратова и ефрейтора Папаина (погиб при взрыве). Снаряды на станции встречал приемщик артиллерийского склада Александр Карлович Руппель (погиб при взрыве) [14. Оп. 11. Д. 124. Л. 218 об. – 219; 19. Л. 7, 54 об., 77 об.].

Как сообщили многие очевидцы, рабочие грузили порох поспешно, небрежно бросая. Поскольку целостность тары была нарушена вследствие ржавления и физических повреждений, порох просыпался на землю, в кузове автомобиля и в вагоне [19. Л. 86, 121 об., 125 об.]. Помощник адъютанта 8-го Сибирского кадрового полка поручик Иван Никифорович Твердохлебов указал на грубейшее нарушение техники безопасности: при производстве работ шофер и рабочие, несмотря на неоднократные замечания, курили папиросы и трубки [19. Л. 7 об., 94 об., 121 об., 126]. Подобное поведение военнопленных можно приписать малограмотности, но нельзя исключать их общую психологическую подавленность, вызывавшую некое безразлично-невнимательное отношение к себе и окружающим. Эти люди наверняка уже отчаялись вернуться домой, не первый год и не в лучших условиях находились вдалеке от родины; события Гражданской войны отложили вопрос их репатриации. Деморализация славян, служивших на стороне антибольшевистских сил на востоке России, наблюдалась не только на фронте (см. например, [42]), но даже в тыловом Омске. Яков Янович Зенс (летом 1918 г. 34-летний большевик-подпольщик, заключенный Омского концлагеря) вспоминал, что сразу после взрыва на городской ветке «чехи в [концентрационном] лагере (располагался примерно в 600 м от места взрыва. – Д.П.) переполошились, побросали оружие <...> только спустя 10 минут все стало на свои места» [43. С. 155].

Приблизительно за 5 минут до трагедии начальник станции Омск-город Сигизмунд Антонович Корсак, имевший опыт погрузки боеприпасов на Петербурго-Варшавской железной дороге, предупредил о мерах предосторожности приемщика Руппеля, который сказал, что просыпанный в вагоне порох сметен в углы, и просил отправить вагон со снарядами на станцию Омск для дальнейшего следования. Корсак подчеркнул, что ранее вагоны, перевозившие подобные опасные грузы, для недопущения возгорания от попадания случайной искры снаружи обшивались железом, а внутри с использованием медных гвоздей обивались плотным войлоком. Но на тот момент в условиях разрухи и Гражданской войны таких мер безопасности уже не предпринималось [19. Л. 84–85 об., 149 об.].

Очевидцы, находившиеся вблизи места погрузки боеприпасов, указывали, что за несколько секунд до первого взрыва слышалось сильное шипение (момент активного воспламенения пороха). После чего под оглушительный грохот вагон и стоявший рядом с ним автомобиль в шлейфе пламени подбросило в воздух и разметало на части. Искореженную станину грузовика зарыло на дно воронки. Затем последовала продолжи-

тельная серия более слабых взрывов [19. Л. 4–7 об., 72, 86, 121 об., 123 об., 149]. У зданий, расположенных вблизи места инцидента выбило все стекла и часть рам [19. Л. 3, 94].

Свидетели высказывали разные суждения о причине взрыва: один из военнопленных уронил ящик со снарядами, детонация бензина в автомобиле, шофер неаккуратно вел машину, доверху груженую боеприпасами, допустив их повреждение [19. Л. 37, 45 об.–46 об., 49 об., 80–81].

Поручик Иван Ксаверьевич Пуцато – офицер Омского артиллерийского склада, инженер-химик – подчеркивал, что если целостность тары с дымным порохом была нарушена, то легковоспламеняющаяся пороховая пыль, имея мелкую фракцию, могла загореться даже от самой небольшой искры [19. Л. 70]. Капитан Путинцев, полковники Зоценко и Кирхман, опираясь на армейский опыт, уверенно утверждали, что взрыв был характерен именно для большой массы пороха с направленностью ударной волны на юг и юго-запад. На это, по их мнению, указывали звук взрыва, форма воронки и характер задымления и разрушений [19. Л. 7 об., 59, 131 об.]. Из окружающих строений наибольший ущерб получило месяцем ранее отремонтированное здание яхт-клуба [29. 23 июня, 18 авг.], располагавшееся приблизительно в 200 м юго-западнее места происшествия. От тяжелых ранений 4 августа 1918 г. скончалась служащая яхт-клуба Елена Порфирьевна Михайлова [14. Оп. 11. Д. 125. Л. 530 об.–531; 19. Л. 10, 99].

Интересны показания помощника начальника 9-го участка службы пути ОмЖД Александра Васильевича Катеша. Еще 17 августа 1918 г. он подготовил для следователя Козлова эскизный чертеж места взрыва, который активно использовался Н.А. Соколовым при беседах со свидетелями (в деле не сохранился [19. Л. 31]). Катеш уделял большое внимание на конструкции взорвавшихся боеприпасов, указав, что снаряд состоит из медной цилиндрической патронной трубки, в дне этого патрона имеется пистон, на который насыпается порох. В данном случае в патронах был бездымный порох. Над порохом к выходу в патроне помещался шрапнельный снаряд, кончающийся запальной (дистанционной) трубкой с собственным пистоном, ударником и пороховой массой. Эта трубка ввинчивалась в тело снаряда, находясь на его конце. Теоретически допустима детонация такого снаряда при падении на землю, что может произойти только при продольном ударе, приходящемся на запальную (дистанционную) трубку. Но, как твердо считал Катеш, сделать это на практике очень сложно [19. Л. 80 об.–81]. Схожие доводы приводил и полковник Зоценко, говоря, что для детонации от удара необходим сильный и четкий удар по капсулю [19. Л. 59 об.]. Капитан Путинцев сообщил, что так как снаряды направлялись на фронт, в транспортировочных ящиках они были в собранном виде: с запальными (дистанционными) трубками [19. Л. 86 об.].

По мнению железнодорожника Катеша, и полковника Кирхмана версию с детонацией снарядов следовало исключить, поскольку после первого взрыва снаряды – как разбросанные, так и сваленные грудой –

периодически и еще весьма долго взрывались, и, тем не менее, детонировали далеко не все, а лишь нагревшиеся при сильном возгорании деревянные части вагонов, произошедшем из-за воспламенения значительной массы пороха [19. Л. 79 об.–80, 131 об.].

Несмотря на большое число новых сведений, к концу 1918 г. расследование вновь зашло в тупик. Найти еще какую-либо информацию вряд ли было возможно. Н.А. Соколов по поручению Верховного правителя А.В. Колчака в начале марта 1919 г. отбыл в Екатеринбург, где занялся вопросом, куда более значимым тогда для политического имиджа омской власти, – для выяснения обстоятельств убийства семьи Романовых [41. С. 14].

Любопытно, что 29 октября 1918 г. на станции Омск-Сортировочный произошел схожий инцидент, когда под наблюдением чехословацких легионеров шла погрузка снарядов. По причине пожара, возникшего из-за халатности, случился взрыв, но жертв удалось избежать. Расследовать происшествие поручили инспекторскому отделу МПС [44]. Но для власти данный случай имел «второстепенный» смысл, о чем говорит тот факт, что выяснением причин случившегося занимались уже не следственные органы, а ведомственная комиссия.

На весну 1919 г. пришелся заключительный этап в истории расследования трагедии на городской железнодорожной ветке. Прикомандированный к Омскому окружному суду следователь по особо важным делам Казанского окружного суда В.М. Шулинский, перенявший полномочия у Н.А. Соколова, уже не осуществлял дознания. Уцелевшие после взрыва боеприпасы (часть из них были пригодны для применения по назначению) на особом учете хранилась на омском артиллерийском складе. Прошло более полугодя, и 13 апреля 1919 г. эти улики следствие разрешило использовать на свое усмотрение артиллерийскому управлению Омского военного округа. Личные вещи, принадлежавшие жертвам взрыва, 10 мая 1919 г. передали начальнику 2-го участка омской городской милиции для возврата владельцам или их родственникам [19. Л. 145–148 об.].

15 мая 1919 г. следователь Шулинский, изучив материалы дела и признав причиной взрыва «неосторожность самих грузчиков при погрузке пороха», постановил препроводить материалы расследования прокурору Омского окружного суда «на предмет прекращения за отсутствием признаков преступления» [19. Л. 152 об.]. Данный документ – последний в архивной единице хранения – вносит неопределенность. Иных источников о принятии решения судебными властями по данному делу не выявлено. С долей вероятности мы полагаем, что ходатайство В.М. Шулинского могло получить одобрение его начальства.

Нельзя исключать, что бурные политические события в антибольшевистском Омске осенью 1918 г. в сознании властей попросту заслонили собой взрыв, выглядевший, как и случай 29 октября 1918 г., даже несмотря на большое число пострадавших, локальным происшествием. Очевидное отсутствие (вслед-

ствие гибели) вероятных виновников трагедии привело к невозможности расследования и предложению судебных органов о закрытии дела, лишения перспектив проверки, наказания виновных и т.д. Проанализированное резонансное трагическое событие показало, что изначальная позиция, соответствовавшая духу правой консервативной общественной мысли, и «презумпция виновности» гражданских правоохранительных структур оказались несостоятельными. Военные эксперты в этом отношении были, как видно, куда более трезвомыслящими. Да, в Омске летом 1918 г. действовало просоветское подполье; ему противостояли находившиеся в стадии формирования немногочисленные и еще не укомплектованные кадрами белые спецслужбы (см. подробнее: [45]). Но никто из лиц, давших показания, не назвал вероятной причиной взрыва теракт, к которому имели бы причастность некие леворадикальные силы. Инцидент, как видно из большинства следственных материалов, не носил политической окраски. Однако правая по настроениям общественность попыталась представить трагедию в полемическом свете своих идеологических воззрений, придав ей агитационный смысл. Как стало известно в ходе работы Н.А. Соколова (наиболее компетентного из трех следователей, ведших дело), исходная концепция расследования по «теории заговора» не обрела подтверждения. Но, к сожалению, сегодня, как и в годы Гражданской войны, конспирология как инструмент упрощенных трактовок истории присутствует в массовом сознании, формируя искаженные представления о прошлом.

Трагедия указывает и на иной аспект. Все описанные выше омские события произошли не в боевых условиях и даже не в прифронтовой зоне, а в тылу – крупном административном центре, находившемся в политически экстремальных обстоятельствах эскалации Гражданской войны. Экскурс справедливо позволяет шире интерпретировать инцидент сквозь призму военной антропологии и социального феномена войны. Данная концепция применительно к нашему исследованию ориентирует на определение степени причастности человека к причинам и последствиям произошедшего, выяснении того, что спровоцировало взрыв в ходе транспортировки боеприпасов – опасного типового элемента армейской повседневности. Истинными предтечами драматического исхода, на наш взгляд, стоит назвать совокупные обстоятельства эпохи и тривиально звучащий человеческий фактор. Проржавевшая и физически поврежденная тара, в которой хранили и транспортировали порох, не выдерживающее критики халатное поведение рабочих, конвойных и приемщика боеприпасов на станции, техническая неисправность автомобиля, отсутствие должного оборудования вагонов, перевозивших опасный груз, – все это своего рода символические показатели эпохи и отношения к процессу не только власти, но прежде всего «маленького человека». А ведь именно на данную категорию замыкается любой процесс. Как видно из проделанного анализа, рядовые исполнители продолжитель-

ное время испытывали в условиях военного времени физическую и моральную напряженность, психологическую усталость, что явилось одной из причин трагедии 1 августа 1918 г. в Омске.

Список источников

1. Биберштайн И. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков : пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. 400 с.
2. Немчинова Т.А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. 189 с.
3. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина Медиа, 2014. 452 с.
4. Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.
5. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9. doi: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9
6. Шишкин В.И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода Гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 87–95. doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-87-95
7. Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74. doi: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74
8. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.
9. Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied expeditionary forces in Siberia» (1918–1920 гг.) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3. С. 9–26. doi: 10.23951/2312-7899-2020-3-9-26
10. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 386 с.
11. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
12. Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь населения крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.
13. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374. doi: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374
14. Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. 16.
15. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: материалы всерос. заочн. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173.
16. Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГПУ, 2013. 392 с.
17. Штырбул А.А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование с приложением самого полного собрания сочинений Ю. Сопова. Омск: ОмГПУ, 2015. 284 с.
18. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405. doi: 10.21638/11701/spbu24.2019.206
19. ГИАОО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 187.
20. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 208 с.
21. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–262.
22. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.
23. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
24. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
25. Алимova Л.И. Памятный сквер // Вестник культуры. 2015. № 1. С. 12.
26. Справочник и список абонентов телефонной сети г. Омска и Атаманского хутора. 2-е изд., по сост. к 15 июня 1919 г. Омск, 1919. 120 с.
27. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
28. Тагильцева А.В. Гражданская война в истории семьи офицера Алексея Петровича Зошенко // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 250–256.
29. Заря [Омск]. 1918.
30. Взрыв в Омске // Железнодорожник [Томск]. 1918. 13 августа.
31. К взрыву 1 августа // Сибирская речь [Омск]. 1918. 4 августа.
32. Греков Н.В. «Шпиона по роже видать» // Родина. 2014. № 8. С. 98–101.
33. Стельмак М.М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 1. С. 63–67.
34. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. doi: 10.17223/15617793/411/20
35. Сушко А.В., Безродный К.Э., В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–36. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
36. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: Омский дом печати, 2005. 232 с.
37. Белоглазова Ю.Н. Из воспоминаний С.И. Голошубина // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 239–248.
38. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.
39. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
40. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

41. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М. : Алгоритм, 2012. 384 с.
42. Ганин А.В. «Чехи вообще уже выдыхаются...» Письмо офицера Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной академии генерал-майору А.И. Андогскому от 22 сентября 1918 г. // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 539–545.
43. В огне революции и Гражданской войны. Воспоминания участников. Омск : Омск. кн. изд-во, 1959. 224 с.
44. Результаты расследования // Русская армия [Омск]. 1919. 12 февраля.
45. Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М. : Кучково Поле, 2008. 512 с.

References

1. Bieberstein, J. (2010) *Mif o zagovore. Filosofiy, masony, evrei, liberaly i sotsialisty v roli zagovorshchikov* [The Myth of the Conspiracy. Philosophers, Freemasons, Jews, liberals and socialists in the role of conspirators]. Translated from German by M.Yu. Nekrasov. Saint Petersburg: Izd-vo im. N.I. Novikova.
2. Nemchinova, T.A. (2002) *Sovremennaya rossyiskaya istoriografiya belogo dvizheniya v Sibiri* [Modern Russian Historiography of the White Movement in Siberia]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture.
3. Shubin, A.V. (2014) *Velikaya Rossyiskaya revolyutsiya: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda* [The Great Russian Revolution: from February to October 1917]. Moscow: Rodina Media.
4. Khodyakov, M.V. (2018) Answers to questions about the history of the Russian Civil War. *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii*. 6. pp. 119–124. (In Russian).
5. Puchenkov, A.S. (2018) “The Kolchak regime was based on the main ideological component – anti-bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program ...” *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’ – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 4. pp. 5–9. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9
6. Shishkin, V.I. (2019) Siberian revolutionary committee in the soviet political system of the Civil War period. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2 (63). pp. 87–95. (In Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-87-95
7. Mashkarin, M.I. (2020) “Troubles of the 20th century” in Siberia: a look through documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on history of the revolution and the Civil War in Russia). *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’ – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1 (5). pp. 70–74. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74
8. Stel’mak, M.M. (2020) The round table “Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme Ruler”: the overview. *Sibirskiy arkhiv*. 1 (3). pp. 222–235. (In Russian).
9. Belgorodskaya, L.V., Drozdov, N.I. & Vonog, E.A. (2020) The visualized daily life of the Civil War in Siberia: a source analysis of the American newsreel “allied expeditionary forces in Siberia” (1918–1920). *Praksema. Problemy vizual’noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3 (25). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-9-26
10. Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn’ gorozhan Sibiri v voenno-revolyutsionnye gody (iyul’ 1914 – mart 1921 g.)* [Everyday Life of Citizens of Siberia in the Military Revolutionary Years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Ofset.
11. Sizov, S.G. (2018) *Belaya stolitsa Rossii: povsednevnyaya zhizn’ Omska (iyun’ 1918 – noyabr’ 1919 gg.)* [The White Capital of Russia: Everyday life of Omsk (June 1918 – November 1919)]. Omsk: SibADI.
12. Shumilova, E.E. (2020) *Povsednevnyaya zhizn’ naseleniya krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [Daily Life of the Population of Large Cities of Western Siberia During the First World War]. Yekaterinburg: OOO “Izdatel’skie resheniya”.
13. Stel’mak, M.M. & Petin, D.I. (2019) Everyday life of white-guard Omsk in the lens of American camera (1919): revisiting attribution of a little-known source. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 2. pp. 357–374. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374
14. State Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund 16. (In Russian).
15. Shishkin, V.I. (2013) Vzryv v usad’be Verkhovnogo pravatelya 25 avgusta 1919 g. [Explosion in the estate of the Supreme Ruler on August 25, 1919]. In: Petin, D.I. & Terekhina, T.A. (eds) *Grazhdanskaya voyna v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Omsk: Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti. pp. 161–173.
16. Shtyrbul, A.A. (2013) *Pokushenie na Kolchaka: istoricheskoe rassledovanie* [The Attempt on Kolchak: A historical investigation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
17. Shtyrbul, A.A. (2015) *Dozhit’ do sentyabrya. Sud’ba poeta Yuriya Sopova: istoriko-literaturnoe issledovanie s prilozheniem samogo polnogo sobraniya sochineniy Yu. Sopova* [To live until September. The fate of the poet Yuri Sopov: a historical and literary study with the appendix of the most complete collection of works by Yu. Sopov]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
18. Petin, D.I. (2019) With adventure through life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2 (9). pp. 389–405. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.206
19. State Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R–346. List 1. File 187. (In Russian).
20. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the Conditions of the Civil War in the Urals: Historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.
21. Tsvetkov, V.Zh. (2018) Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [Main trends and prospects of studying the White Movement]. In: Pavlov, D.B. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917-1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 239–262.
22. Anfert’ev, I.A. (2011) [New directions in modern Russian historiography. Military-historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossievedenie. Obshchestvennyye funktsii gumanitarnykh nauk* [Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian Studies. Social functions of the humanities]. Proceedings of the Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010 [Humanitarian readings of RSUH – 2010] Conference. Moscow. 26 March – 1 April 2010. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 319–328. (In Russian).
23. Gladyshev, A.N. (2017) The anthropological turn in military history. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 59. pp. 136–150. (In Russian).
24. Senyavskaya, E.S. (2018) Man at war. The thorny path from military history to military anthropology. *Istoricheskiy vestnik – Historical Reporter*. 24. pp. 10–43. (In Russian).
25. Alimova, L.I. (2015) Pamyatnyy skver [Memorial Square]. *Vestnik kul’tury (Omsk)*. 1. P. 12.
26. Anon. (1919) *Spravochnik i spisok abonentov telefonnoy seti g. Omska i Atamanskogo khutora, po sostoyaniyu k 15 iyunya 1919 g.* [Directory and List of Subscribers of the Telephone Network of Omsk and Ataman Farm, as of June 15, 1919]. 2nd ed. Omsk: Izd-vo F. G. Brekhova.
27. Petin, D.I. (2019) Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N.N. Volkov. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii – Northern Archives and Expeditions*. 4 (3). pp. 63–84. (In Russian).
28. Tagil’tseva, A.V. (2019) [The Civil war in the family history of officer Alexey Petrovich Zoshchenko]. *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz’ dokumental’noye nasledie* [The Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Omsk. 13–14 November 2019. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 250–256. (In Russian).
29. Zarya. (1918)
30. Zheleznodorozhnik. (1918) Vzryv v Omske [Explosion in Omsk]. *Zheleznodorozhnik*. 13 August.
31. Sibirskaya rech’. (1918) K vzryvu 1 avgusta [On the explosion on August 1]. *Sibirskaya rech’*. 4 August.
32. Grekov, N.V. (2014) “Shpiona po rozhe vidat’” [“A spy can be seen from the face”]. *Rodina*. 8. pp. 98–101.

33. Stel'mak, M.M. (2015) Relations between the British government and the Provisional Siberian Government in 1918 (as reflected in "Siberian Herald" newspaper). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1-2 (61). pp. 63–67. (In Russian).
34. Sushko, A.V. (2016) On the nature and value of the Kolchak propaganda in the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 148–157. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/20.
35. Sushko, A.V. & Bezrodnyy, K.E. (2021) V.A. Zhardetsky and Siberian regionalism. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1 (6). pp. 30–36. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
36. Anon. (2005) *Omskiy nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha* [Omsk Necropolis. Disappeared cemeteries]. Omsk: Omskiy dom pechati.
37. Beloglazova, Yu.N. (2018) Iz vospominaniy S.I. Goloshubina [From the memoirs of S.I. Goloshubin]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 21. pp. 239–248.
38. Shishkin, V.I. (2009) Komanduyushchiy Sibirskoy armiyey A.N. Grishin-Almazov: shtriki k portretu [Commander of the Siberian Army A.N. Grishin-Almazov: strokes to the portrait]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Kontrrevolyutsiya na vostokey Rossii v period Grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.)* [Counterrevolution in the East of Russia during the Civil War (1918–1919)]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 126–195.
39. Puchenkov, A.S., Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2018) "Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...": Letters of General A. N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 4 (8). pp. 1058–1073. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
40. Stel'mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoj pechati Zapadnoj Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
41. Sokolov, N.A. (2012) *Ubiystvo tsarskoj sem'i* [The Murder of the Royal Family]. Moscow: Algoritm.
42. Ganin, A.V. (2017) "The Czechs are fizzling out ..." A letter by an officer of the Czechoslovak corps H. Birulya to the chief of military academy major general A.I. Andogsky on September, 22, 1918. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3-4. pp. 539–545. (In Russian).
43. Grigoriev, F.V. et al (eds) (1959) *V ognе revolyutsii i grazhdanskoj vojny. Vospominaniya uchastnikov* [In the Fire of Revolution and Civil War. Memories of the participants]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo.
44. Russkaya armiya. (1919) Rezul'taty rassledovaniya [The results of the investigation]. *Russkaya armiya*. 12 February.
45. Kirmel', N.S. (2008) *Belogvardeyskie spetssluzhby v Grazhdanskoj vojne 1918–1922 gg.* [White Guard Special Services in the Civil War of 1918–1922]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Информация об авторе:

Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры "История, философия и социальные коммуникации" Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.I. Petin, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 04.06.2021;
approved after reviewing 20.08.2021; accepted for publication 28.03.2022.*